

Чжуан Чжун сидел у окна и пил в одиночестве. Он поднял чашу в сторону пустого места напротив.

- Юань-сюн, прощай, покойся с миром.

С этими словами он одним глотком осушил чашу.

Мертвых не воскресить. Даже если убийца найден, они больше не увидят ту открытую, жизнерадостную улыбку, и больше не услышат его вечных споров с Цзян Сюнем. Императорская академия становилась все более угнетающей. Хотя Чжуан Чжун много лет работал судмедэкспертом, имея дело с множеством трупов, он все еще не мог смириться с тем, как быстро может оборваться человеческая жизнь.

- Попробуй моего вина, - Фэн Хуань пришел без приглашения и поставил кувшин на стол.

Чжуан Чжуну даже не нужно было поднимать голову, чтобы понять, кто это. Делая вид, будто не слышит, он продолжил пить дешевое вино, которое заказал сам.

Фэн Хуань выхватил чашу из рук Чжуан Чжуна.

- Ты с таким удовольствием пьешь это дрянное вино?

- Благородный муж не отнимает того, что дорого другому. Мне оно нравится, - отрезал Чжуан Чжун, забрал чашу обратно, выпил и снова наполнил ее.

Фэн Хуань усмехнулся:

- Мальчишка, смеешь перечить вану?

В конце концов, Чжуан Чжун не осмелился оскорбить этого опасного человека. Он небрежно поклонился.

- У этого ничтожного еще есть дела, поэтому позвольте удалиться. Ванье, продолжайте наслаждаться вином.

Он уже собирался встать и уйти, но Фэн Хуань резко сказал:

- Сидеть!

Чжуан Чжун поджал губы. Хотя внутри он кипел от раздражения, ему пришлось подчиниться. Он почти забыл, что человек перед ним не был просто начальником на работе. В прошлом,

какими бы властными не были начальники, их жестокость ограничивалась рабочим местом - они могли создавать проблемы на работе, или, в крайнем случае, уволить. Но их власть никогда не могла сравниться с властью этого человека: он мог запросто лишиться тебя головы и не понести никакого наказания. Хотя закон гласил, что Сын Неба подчиняется тем же законам, что и простые люди, и если император совершит убийство, то должен предстать перед судом, но на самом деле одно его слово могло привести к казни, и за смерть человека никто не ответит. Действительно, прогнившее феодальное общество!

- Осмелюсь спросить, какие наставления ванъе хочет передать? - Тон Чжуан Чжуна был резким. Хотя обычно он был мягким человеком, когда раздражался, то становился похожим на пороховую бочку. В этом незнакомом мире он сдерживал себя еще больше, но теперь он достиг предела. Уже было чудом, что он прямо здесь не полез в драку с Сы Чжао-ваном.

Изначально он считал Сы Чжао-вана справедливым человеком. Однако вчера этот Чжао Сюн предъявил какой-то документ, который позволил Сюй Мэйнян уйти от правосудия. Это привело его в полное отчаяние. Хотя Чжао Сюн лично убил Юань Лянцзюня, Сюй Мэйнян была тем, кто предложил этот план. То, что такой человек избежал надлежащего наказания и был освобожден, заставило его почувствовать, что небеса несправедливы, и наполнило его яростью.

- С таким несдержанным характером как ты собираешься вершить великие дела в будущем? - Спокойно заметил Фэн Хуань, опустошив чашу Чжуан Чжуна и наполнив ее принесенным вином. Он не просто налил вино, но и лично подал ему чашу.

Любой другой на месте Чжуан Чжуна пришел бы в неопишуемый восторг, но Чжуан Чжун даже не взглянул на чашу, а взял свой кувшин и начал жадно пить, демонстративно игнорируя Фэн Хуаня.

- Я не тот человек, который совершает великие дела, - буркнул Чжуан Чжун.

Фэн Хуань не обратил на него внимания, поднял чашу, чтобы вдохнуть аромат, а затем осушил ее одним глотком.

- Это действительно отличное вино! Это вино «Льющийся аромат», его нельзя купить на рынке, оно бесценно. Если кто-то осмелится торговать им, как только это обнаружат, торговца сошлют в отдаленную тюрьму. Такая редкость... Неужели правда не хочешь попробовать?

Фэн Хуань покачивал чашей, искушая его. Вино действительно оправдывало свое название: его аромат был насыщенным и мягким, не нужно было пробовать, чтобы понять, что оно исключительное. Даже тот, кто равнодушен к алкоголю, почувствовал бы, как внутри просыпается желание попробовать его.

Чжуан Чжун отвернулся, хотя его собственное вино внезапно показалось ему безвкусным. Он мысленно обругал себя. В конце концов, он не был каким-то провинциальным деревенщиной. В современности существовало бесчисленное множество сортов вина, а технологии его производства были гораздо более совершенными, чем все, что было доступно сейчас. Почему

он так жаждал этого? Но потом он напомнил себе, что был всего лишь простым парнем. Где он мог попробовать такое элитное, специально поставляемое вино? Разум Чжуан Чжуна прояснился. Это всего лишь вино. Он не был настолько мелочным.

- Быстро пей! - Рявкнул Фэн Хуань. Чжуан Чжун вздрогнул от неожиданности, опустил голову и выпил вино, которое ему налили.

Фэн Хуань холодно фыркнул.

- По-хорошему ты не понимаешь, обязательно нужно припугнуть.

Чжуан Чжун и сам понимал, что ведет себя по-детски. Видимо, алкоголь затуманил его разум. Проведя несколько дней в Императорской академии, он не научился ничему полезному, только впитал в себя надменность ученых. Но если сейчас у него не хватит смелости задать вопрос, то после его смерти отец точно не признает его своим сыном. Собравшись с мыслями, Чжуан Чжун прямо спросил:

- Ванье, вы действительно вот так просто отпустите Сюй Мэйнян?

Фэн Хуань поднял бровь, в его голосе слышалась насмешка:

- Ты действительно смог бы причинить вред такой прекрасной девушке?

Чжуан Чжун холодно ответил:

- После смерти, каким бы красивым не был человек, он вскоре становится отвратительным, гниющим трупом. Для меня красота и уродство - это одно и то же. Какая польза от ее красоты, если при жизни ее сердце было настолько ядовитым, что она была готова пожертвовать другими ради собственной выгоды. С того момента, как умер Юань Лянцзюнь, она не заслуживает сочувствия. Я не знаю, что именно Чжао Сюн передал ванье, но подозреваю, что это должно быть что-то крайне важное, раз вы согласились на такую сделку. Но одно не должно отменять другого. Нельзя оставлять ее совсем без наказания. Юань Лянцзюнь был ни в чем не виноват. Он умер в расцвете сил, когда перед ним открывалось блестящее будущее, но теперь он лежит холодный в земле. Сколько его семья вкладывала сил, чтобы воспитать его, а теперь им нужно хоронить своего ребенка. А тот, кто погубил его, живет, как ни в чем не бывало. Разумом я понимаю действия ванье, но сердцем не могу их принять. Ванье занимает столь высокий пост и обладает такой властью, я не смею подвергать сомнению ваше решение, но на сердце у меня тяжело и гадко. Лучше уж нам вовсе не видеться. Осмелюсь попросить ванье оказать мне эту милость - позволить спрятать голову в песок, как страусу.

Семья Юань Лянцзюня, услышав новости, поспешила в столицу и сейчас собирала его вещи. Чжуан Чжун, боясь этой сцены, сбежал в эту лавку, чтобы утопить свое горе.

Он и так был подавлен, а увидев полное безразличие Фэн Хуаня, пришел в ярость.

Фэн Хуань улыбнулся.

- Ты знаешь, что мне дал Чжао Сюн?

Чжуан Чжун промолчал. Он понимал, что это должно быть что-то очень важное, поэтому не мог заставить себя возмутиться. Но это не означало, что он мог заставить себя смириться с этим.

- Двор, скорее всего, вновь погрузится в кровопролитие, - негромко произнес Фэн Хуань и залпом опустошил чашу с вином.

Сердце Чжуан Чжуна бешено заколотилось. Хотя Фэн Хуань не сказал этого прямо, он мог догадаться, о чем идет речь. Бывший хозяин Чжао Сюна был богатым торговцем. Что такого важного мог хранить торговец, что могло заинтересовать Фэн Хуаня? Это могло быть только что-то, связанное с деньгами. И слова Фэн Хуаня подтвердили это - скорее всего, это было доказательство сговора между чиновниками и торговцами.

Но почему Фэн Хуань рассказал об этом ему? Человек такого высокого положения, чьи действия часто были непредсказуемыми, который никогда не прислушивался к мнению других, преследующий свои цели, почему он пришел сюда и сказал ему об этом?

Чжуан Чжун чуть было не подумал, что Фэн Хуань проникся к нему симпатией.

Родной город Хань Чуаня находился в уезде Лу области Цинчжоу, на границе между Юньчжоу и Цинчжоу. Несмотря на то, что это был всего лишь уезд, он процветал, благодаря оживленной торговле. Юньчжоу когда-то был владением Чжэньнань-вана, последнего вассального вана Да Ю. Позднее, когда отец Фэн Хуаня, прибывший в Юньчжоу с дипломатическим визитом, погиб там при загадочных обстоятельствах, покойный император в гневе полностью уничтожил эти земли и больше не назначал вассальных ванов.

Несмотря на удаленность от столицы, Юньчжоу имел стратегическое значение благодаря своим богатым ресурсам и прямому торговому пути в государство Ли. Чжэньнань-ван был младшим братом императора-основателя династии Да Ю. Захватив вместе трон, император намеренно передал своему брату эти богатые земли, желая этим показать свою братскую привязанность и готовность делить с ним власть в Да Ю. Юньчжоу всегда была важной территорией для Да Ю, служа главным оборонительным рубежом от государства Ли. Его потеря поставила бы под угрозу все Да Ю. Так что доверие императора Чжэньнань-вану было очевидным. Чжэньнань-ван неустанно защищал Юньчжоу, множество раз отводя беду от Да Ю.

Но по прошествии многих лет у потомков Чжэньнань-вана появились собственные интересы, и они перестали служить императору Да Ю с той же преданностью, что и их предки, и даже начали вынашивать намерение отделиться от Да Ю. Стремясь наладить отношения, Сянь-ван

лично отправился в Юньчжоу. Кто бы мог подумать, что два месяца спустя он найдет там свою смерть. Покойный император, позабыв указ предков, запрещающий лишать власти Чжэньнань-вана, приказал нынешнему императору лично возглавить трехсоттысячную армию, направиться прямо в Юньчжоу и разгромить весь род Чжэньнань-вана.

Однако продолжают ходить слухи, что остатки войск Чжэньнань-вана бежали в государство Ли, где они замышляют возвращение, чтобы захватить трон Да Ю. Если бы первый Чжэньнань-ван не отрекся от престола, сложно сказать, кто бы стал императором. Власть Чжэньнань-вана в то время была не меньше, чем у императора-основателя, и, вероятно, он пользовался еще большей поддержкой. Таким образом, захват власти в Да Ю был бы вполне законным и оправданным.

Чжао Сюн и Сюй Мэйнян выбрали для укрытия столицу, рассчитывая, что их преследователи не рискнут действовать прямо под боком у императора. То, что Чжао Сюн выкрал бухгалтерскую книгу, не было случайностью. Ранее он был вовлечен в мелкие дела своего хозяина. Поэтому, узнав, что богатый торговец владеет чем-то важным, он послал Сюй Мэйнян выкрасть это. Сделав копию, он намеренно потерял оригинал по дороге, надеясь, что торговец больше не будет преследовать его. Владение этим предметом служило ему спасательным талисманом. Однако он не предполагал, что, не сумев совладать с собой, все испортит, и это приведет к столь плачевному исходу.

После этих слов Фэн Хуаня, Чжуан Чжун задумался, нахмурившись.

- Неужели...

- Не стоит спрашивать, - перебил его Фэн Хуань, и многозначительно добавил: - Сюй Мэйнян, возможно, не понесет наказания, но это не значит, что она не встретит безвременную кончину.

Чжуан Чжун распахнул глаза.

- Ты... Ты хочешь сказать...

Фэн Хуань улыбнулся, не подтверждая и не опровергая его догадку. Ему не нужно было и пальцем пошевелить. Новости об этом деле уже разнеслись по всей столице, и всем было известно, что Чжао Сюн передал ему важный предмет в обмен на жизнь и свободу Сюй Мэйнян. Те, кто скрывался в тени, конечно же, не отпустят эту женщину так легко. Он согласился на эти условия только потому, что хотел проследить за ней.

Чжао Сюн и Сюй Мэйнян украли бухгалтерскую книгу, но она была неполной и во многих местах содержала зашифрованные формулировки. Тем не менее, Фэн Хуань узнал, что некоторые люди в Юньчжоу и Цинчжоу решили, что живут слишком долго. Император Цяньсин пришел в ярость, узнав об этом. Слухи, ходящие среди простого народа, оказались правдой: остатки сторонников Чжэньнань-вана не были полностью уничтожены и активно замышляли заговор, в котором были замешаны многие придворные чиновники.

Эта бухгалтерская книга была лишь верхушкой айсберга. Хотя в ней были указаны только второстепенные фигуры, она давала важные подсказки. Если бы они не боялись преждевременно насторожить врага, многие чиновники уже лишились бы головы.

Такой подход шел вразрез с законопослушным мировоззрением Чжуан Чжуна, но ему было легче принять это, чем отпустить убийцу. Чжуан Чжун вздохнул.

- Если ее жизнь еще имеет какую-то ценность, то смерть брата Юаня не была напрасной. По крайней мере, он косвенно послужил на благо государству.

Юань Лянцзюнь был человеком с обостренным чувством справедливости. Хотя он любил пошутить, его внутренний характер очень напоминал отца Чжуан Чжуна - он не терпел несправедливости и в душе был настоящим революционером. Если бы он знал, что его жертва послужит стране, он пошел бы на нее без колебаний. Он не походил на типичного сюцай, который задумает бунт, но и за три года не начнет действовать. Если бы он знал, что его смерть вызовет такие последствия, возможно, ему было бы не так горько умереть, так и не успев осуществить своих планов.

Хотя на сердце у Чжуан Чжуна все еще было тяжело, он чувствовал себя значительно спокойнее, и он уже не испытывал к Фэн Хуаню такой неприязни, как раньше. Чжуан Чжун встал и с почтением налил Фэн Хуаню вина.

- Ванье, я вел себя неподобающе. Пожалуйста, не принимайте близко к сердцу.

Фэн Хуань не стал придирается и залпом выпил вино.

- Хотя ты и молод, такая неспособность сохранять самообладание - серьезный недостаток. Похоже, все эти годы изучения священных писаний прошли для тебя даром.

Чжуан Чжун усмехнулся.

- Как же. Я давно нарушил свои обеты, вкушая мясо и вино. Осталось только жениться.

Фэн Хуань бросил взгляд на Чжуан Чжуна и покачал головой.

- У тебя еще волосы на голове не отросли, а ты уже думаешь о женщинах.

В Да Ю девушки обычно вступали в брак в семнадцать или восемнадцать лет, а юноши около двадцати. Поскольку вопросы замужества сложны и требуют много формальностей, обсуждение помолвки начиналось, когда девушке было пятнадцать, а юноше - семнадцать или восемнадцать, и требовалось пара лет подготовки, чтобы провести церемонию.

- Я сам их сбрил! У меня волосы быстро растут и скоро они будут до пояса.

У Чжуан Чжуна теперь была прическа «ежик» и его голова больше не светилась в темноте, как раньше. Мысль о длинных волосах наполняла его ужасом - как же трудно будет их мыть! Без фена зима будет настоящей пыткой.

Фэн Хуань посмотрел в окно, держа в руке чашу с вином.

- В чем смысл брака? Это не более чем сделка, где каждый ищет свою выгоду. Скука.

С этими словами он опустошил чашу одним глотком.

Чжуан Чжун почувствовал, что узнал невероятную сплетню. Самый желанный холостяк династии Да Ю не хотел жениться? Такой высокомерный человек мог быть настолько беспомощным, когда дело касалось брака? Похоже, даже самый своевольный человек не мог избежать воли родителей и слов свахи, когда дело касалось брака.

Чжуан Чжун усмехнулся:

- Если даже ванъе не может сам решать вопрос своего брака, насколько сложнее это для других?

Фэн Хуань хлопнул ладонью по столу, подозвал слугу и заказал еще несколько кувшинов лучшего вина.

- Пей!

Чжуан Чжун не знал, смеяться ему или плакать.

- Ванъе, неужели я так хорошо выгляжу, когда пью?

Фэн Хуань рассмеялся, не пытаясь скрыть своего веселья.

- Каждый раз, когда мы встречаемся, ты притворяешься воспитанным. Мне просто хочется посмотреть, как ты выглядишь, когда отпускаешь себя.

Уголки губ Чжуан Чжуна дрогнули.

- Ну и скучно же вам живется. С такой энергией почему бы вам не заняться очисткой двора от таких подонков, как Гуань Давэй?

Пользуясь подходящей атмосферой, Чжуан Чжун, не стесняясь, решил воспользоваться случаем, чтобы нанести удар Гуань Давэю. Поскольку Фэн Хуань проявил к нему интерес, у него появилась надежная опора. Если бы он не воспользовался этим, то он зря пил все это вино.

Взгляд Фэн Хуаня, темный, как глубокий омут, пристально устремился на Чжуан Чжуна, атмосфера мгновенно стала ледяной.

Однако Чжуан Чжун не испугался, его голос был ровным и уверенным.

- Я думаю, что он не подходит для этой должности. Он стремится к достижениям, не обращая внимания на правду, объявляя дело раскрытым, просто найдя козла отпущения. Чем такое поведение отличается от поведения преступников, ни во что не ставящих человеческую жизнь? Это даже более отвратительно! Те преступники ущемляют интересы лишь немногих, тогда как такие чиновники не только вредят многим, но и порочат репутацию двора. Это равносильно постепенному разрушению самого государства.

Губы Фэн Хуаня слегка изогнулись.

- Как ты думаешь, почему этот ван появился здесь сегодня?

Чжуан Чжун замер. Мог ли он сказать, что из-за приступа глупости?

Фэн Хуань щелкнул пальцем по лбу Чжуан Чжуна, и его светлая кожа мгновенно покраснела. Чжуан Чжун резко вдохнул, это было действительно больно. Он был юношей с нежной кожей, и теперь его лоб наверняка некрасиво распух.

Фэн Хуань вдруг сказал:

- Завтра явись в Верховный суд. Сможешь ли ты сместить Гуань Давэя, зависит исключительно от твоих способностей.

Чжуан Чжун замер.

- В смысле?

Фэн Хуань слегка поднял подбородок.

- Ты утверждаешь, что он пренебрегает человеческой жизнью и выносит неправильные приговоры. Тогда докажи всем, что он именно такой человек. В Верховном суде хранятся архивы всех его прошлых дел. Если сможешь найти в них ошибки, сможешь его сместить. Чем больше найдешь, тем больше виновных понесет наказание и тем меньше останется нерадивых

чиновников.

- А я вообще выживу?

Чжуан Чжун признавал, что он не бесстрашен, просто чуть менее труслив, чем обычный человек.

Взгляд Фэн Хуаня стал более резким.

- Ты боишься смерти, но смеешь бросить вызов высокопоставленному чиновнику?

Чжуан Чжун остался непоколебим.

- Я боюсь умереть, не успев довести дело до конца.

Фэн Хуань хмыкнул.

- С этим ваном рядом, кто осмелится тронуть тебя? К тому же, ты старший законный сын Вэньюань хоу, а не какой-то безымянный монах из деревни. Тебя не убьют просто так.

Этого подтверждения Чжуан Чжун и ждал, однако...

- Но я умею только вскрывать трупы. Моих навыков в расследовании и знания законов недостаточно, я ведь учусь всего несколько дней...

Фэн Хуань потерял терпение и рявкнул:

- Проваливай!

Чжуан Чжун поспешил ответить:

- Я пойду! Обязательно пойду! Даже если это будет стоить мне жизни! Если я чего-то не смогу, у меня ведь есть ванье.

Фэн Хуань презрительно посмотрел на него - этот мальчишка явно напрашивался на выговор.

- Ты не должен пренебрегать изучением права. В Верховном суде будешь появляться раз в три дня. Просматривать архивы ты будешь не один, к делу привлечен старший ученый права Шисунь Чаоян. Будешь работать под его началом, так быстрее наберешься опыта.

Чжуан Чжун наконец вздохнул с облегчением. Он был всего лишь судмедэкспертом. Хотя он часто участвовал в уголовных расследованиях из-за связей его отца, он никогда не был настоящим полицейским. К тому же он плохо знал законы Да Ю, а многих инструментов для вскрытия у него попросту не было. Браться за такое задание было рискованно. Если бы не расположение этого влиятельного человека, он никогда бы не осмелился на такую дерзость. Теперь, узнав, что в этом участвуют другие, и он, кажется, просто помощник, он почувствовал себя гораздо спокойнее.

Ходили слухи, что у Фэн Хуаня странные пристрастия: периодически он брал к себе на службу необычных людей, не обращая внимания на их происхождение. Похоже, так оно и было. Чжуан Чжун считал, что у него есть способности. К тому же ему сейчас всего четырнадцать лет, а вскрытие трупов не самое почетное дело в Да Ю. Так что интерес Фэн Хуаня к нему был понятен. Фэн Хуань набирал странных людей, которых не воспринимали в приличном обществе, поэтому никто не воспринимал их всерьез, воспринимая это как очередную причуду Фэн Хуаня. Чжуан Чжун подозревал, что в глазах Фэн Хуаня его собственные знания в области анатомии выглядели как тайное искусство.

На этот раз выпивать с Фэн Хуанем было на редкость приятно, в отличие от предыдущего раза, когда Чжуан Чжун был совершенно сбит с толку. Однако Фэн Хуань по-прежнему не научился платить по счету. Ему только что дали работу, поэтому Чжуан Чжуну было неловко напоминать, так что его кошелек снова значительно похудел. Интересно, будет ли за помощь в Верховном суде полагаться жалование?

Дворец Сы Чжао-вана.

Вернувшись во дворец, Фэн Хуань был вызван Сун-тайфэй*. Проходя через двор к величественному павильону, Фэн Хуань поймал себя на странной мысли, что этот роскошный дверной проем напоминает зияющую пасть.

- Матушка, - Фэн Хуань подошел и поклонился. В нем не осталось и следа дерзости и высокомерия, сейчас он был воплощением смирения.

Сильный запах вина ударил ей в лицо, и Сун-тайфэй нахмурилась.

- Ты только что пил?

- Я выпил пару чашек.

Сун-тайфэй нахмурилась.

- Распитие вина днем говорит об отсутствии самоконтроля.

- Я знаю меру, матушка.

Сун-тайфэй все еще была недовольна.

- Тебе почти двадцать. Прекрати это безрассудное поведение. Если ты не будешь вести себя сдержанно, как другие могут по-настоящему уважать тебя? Когда ты был младше, я не ограничивала тебя, веря, что со временем ты сам все поймешь. Но сейчас твое поведение становится все более необузданным. Неужели ты и вправду решил стать позорным бездельником?

- Я помню твои наставления, матушка.

Фэн Хуань вел себя крайне покорно, но Сун-тайфэй знала, что ее сын никогда не принимал ее слова близко к сердцу. Выйдя за порог, он снова будет поступать так, как ему заблагорассудится. Их отношения не были такими хорошими, как казалось. Хотя Фэн Хуань не перечил ей и вел себя уважительно, между ними не было той душевной близости, которая обычно бывает между матерью и сыном. За внешней почтительностью всегда чувствовалась невидимая преграда.

В глазах Сун-тайфэй мелькнула тень злости. Если бы не действия тех супругов, стали бы отношения между матерью и сыном такими холодными?

Сун-тайфэй сдерживала раздражение. В последнее время ей все сложнее было сохранять спокойствие. Даже когда она пыталась смягчить тон, в ее словах все равно сквозили холод и резкость, из-за чего она выглядела властной.

- На этих свитках изображены самые лучшие девушки столицы. Посмотри, какая из них тебе больше по душе.

Только тогда выражение лица Фэн Хуаня едва заметно изменилось. Он не проявил никакого интереса к свиткам на столе, даже не удостоив их взглядом.

- Матушка, я не считаю, что мне стоит торопиться с этим вопросом.

Сун-тайфэй рассердилась.

- Если не сейчас, то когда? Тебе уже почти двадцать. Другие члены императорской семьи в твоем возрасте уже обзавелись женами, наложницами и детьми. Ты же даже жену не взял. Что ты хочешь, чтобы о тебе думали другие?

Фэн Хуань вздохнул.

- Матушка, учитель говорил мне, что до двадцати лет, пока я совершенствуюсь в боевых искусствах, не следует расходовать жизненную энергию ян...

Бам!

Сун-тайфэй с такой силой ударила рукой по столу, что один из ее изящно ухоженных ногтей сломался, и она резко втянула воздух. Слуги поспешно шагнули к ней, чтобы помочь, но она отмахнулась от них, приказав всем выйти.

Как только двери закрылись, Сун-тайфэй начала читать нотацию:

- Не относись к своей матери как к какой-то невежественной женщине, которую можно обмануть! Не бывает никакого истощения энергии ян, если проявлять сдержанность. Иначе кто бы вообще захотел заниматься боевыми искусствами?! - На красивом лице Сун-тайфэй мелькнуло недовольство, когда она вспомнила кое-что. - Этого учителя боевых искусств послал к тебе он! Кто знает, что за скрытый умысел стоит за подобными наставлениями?! Может быть, поскольку его собственный сын не может произвести на свет наследника, он хочет, чтобы и мой сын остался бездетным?

Фэн Хуань слегка нахмурился.

- Матушка, стоит быть осторожной в высказываниях.

Сун-тайфэй холодно фыркнула:

- Раз он смеет так поступать, я, Сун Пинтин, смею об этом говорить!

- Матушка, ты слишком беспокоишься. Это твой сын не хочет отвлекаться на такие вещи, - Фэн Хуань взглянул на свитки. - Поскольку матушка считает, что время пришло, твой сын смиренно просит тебя принять решение.

Сун-тайфэй успокоилась и развернула свитки.

- Вот две девушки, которые кажутся мне лучшими. Посмотри и выбери, какая из них тебе больше нравится.

Девушки, изображенные на свитках, были необычайно красивы, но каждая по-своему. Одна была непринужденной и обаятельной, с яркой улыбкой, а другая сдержанной и скромной, не любившей выставлять себя напоказ. Если говорить о внешности, первая была более яркой, своей красотой затмевая всех. Однако ее черты были слишком резкими, ей не хватало той мягкости, что была присуща второй. Одна была как распустившийся пион, другая - как безмятежная осенняя хризантема. Согласно описаниям на свитках, первая была Фан Инъин, дочь министра церемоний, а вторая - Юй Юньгэ, дочь главы академии «Хушань»*. Первая происходила из могущественной и влиятельной семьи, а вторая принадлежала к ученому роду, известному своей честностью и безупречной репутацией, служащими образцом для подражания всему ученому сословию.

Обе женщины были необыкновенными, как по своей известности в столице, так и по своему семейному происхождению.

Фэн Хуань еще раз взглянул на портрет Юй Юньгэ, но почувствовал на себе неодобрительный взгляд Сун-тайфэй.

Фэн Хуань ощутил беспомощность. Говорят, что он может выбрать сам, но стоит ему действительно выбрать, и неясно, какой шум поднимется. Даже после стольких лет его мать все еще любила сравнивать себя с другими и придирается к мелочам. Женщины были действительно мелочными, и даже такая серьезная фигура, как Сун-тайфэй, не могла избежать этой слабости. Раз уж ему было все равно, на ком жениться, он мог бы и пойти на поводу у матери. Указав на Фан Инъин, он сказал:

- Пусть будет она.

Лицо Сун-тайфэй значительно прояснилось, хотя для вида она заметила:

- Она кажется слишком выдающейся, с ней будет нелегко справиться.

Фэн Хуань рассмеялся.

- Какой бы выдающейся она ни была, как она может затмить матушку?

Услышав это, Сун-тайфэй почувствовала еще большее удовлетворение и спросила:

- Почему бы не выбрать Юй Юньгэ? Она выглядит хорошей девушкой, чем-то напоминает императрицу. Разве ты не обожал императрицу? В детстве, когда ты оказывался во дворце, ты был так рад проводить с ней время, что забывал о собственном доме. Теперь из-за нее ты даже отдалился от собственной матери.

В словах Сун-тайфэй сквозила неприкрытая ревность. Ее выражение лица казалось безразличным, но глаза выдавали ее истинные чувства.

- Никто не заменит матушку в моем сердце. Фан Инъин похожа на матушку, и именно поэтому она мне больше нравится.

На этих словах Сун-тайфэй расцвела, словно пышный пион. Хотя она была уже не молода, время не оставило следов на ее лице. Она выглядела, словно была в расцвете молодости, ее прекрасное лицо приковывало взгляды. Волосы ее были убраны в прическу, украшенную нитями жемчуга, она была одета в нежно-фиолетовое верхнее платье-халат. Хотя на ней было мало украшений и одета она была весьма скромно, это не могло скрыть ее внутреннего сияния, а наоборот, придавало ей более молодой вид. Стоящий рядом с ней Фэн Хуань больше походил на ее младшего брата, чем на сына.

Сун-тайфэй была очень довольна.

- Хуань-эр, ты все лучше умеешь радовать мать.

- Я лишь говорю правду. В моих глазах матушка - самый важный человек, - серьезно сказал Фэн Хуань.

- Я носила тебя под сердцем десять месяцев, конечно, ты должен быть на моей стороне, - она была явно рада, хотя и старалась этого не показывать. - Я слышала, что он снова назначил тебя в Верховный суд?

Фэн Хуань ощутил легкую беспомощность. Если бы их разговор подслушали, это наверняка вызвало бы новую бурю при дворе. Но его мать всегда была такой, и он привык к дерзости в ее высказываниях.

- Мне кажется, что расследование преступлений - это интересно.

Взгляд Сун-тайфэй был словно пропитал ядом.

- Кто не знает о грязи в Верховном суде? Он использует тебя как свой меч! Если ты преуспеешь, это принесет пользу его потомкам, если провалишься, окажешься в опасном положении. Он подставляет тебя под удар! Все эти годы использует одни и те же грязные приемы. Он действительно думает, что у нас нет характера?!

Фэн Хуань оставался невозмутим.

- Огонь в моем сердце никогда не угасал, что с того, если добавят еще немного? Пока я живу в свое удовольствие, какое дело до остальных?

Сун-тайфэй закрыла глаза, на ее лице отразилась печаль.

- Если бы... Если бы твой отец был жив, разве пришлось бы тебе трудиться ради чужого блага...

- Матушка! - Резко оборвал ее Фэн Хуань. - Есть слова, которые нельзя произносить, и мысли, которым нельзя давать волю. К тому же я не чувствую себя обделенным. Они заботятся обо мне от всего сердца. Это я...

- Хуань-эр! - Сун-тайфэй не смогла сдержать гнев. - Неужели своими словами ты хочешь потревожить покой твоего отца? Они отняли у тебя и твоего отца все! Неужели из-за каких-то жалких подачек ты забыл все обиды? Я знала, что эта пара не замышляет ничего хорошего. Один ослепляет тебя властью, а другая своей притворной нежностью размягчает твое сердце. И что эта добродетельная из себя представляет? Когда-то она была лишь незаметной

служанкой при мне! Если бы не я, она бы никогда не стала императрицей!

Фэн Хуань тяжело вздохнул.

- Матушка, давай не будем заикливаться на прошлом. Я не глуп и знаю, где правда, а где ложь. Если я молчу, это не значит, что я ничего не понимаю. Матушка, не будь так одержима. То, что твое, останется твоим, то, что не твое, нельзя удержать силой. Кроме того, сейчас мы процветаем, у нас в руках власть, и никто не смеет нам перечить. Этого достаточно.

Сун-тайфэй сказала с болью в голосе:

- Хуань-эр... Не забывай о том, что случилось с Чжэньнань-ваном. Это горький урок для всех нас.

Фэн Хуань опустил глаза.

- Я никогда не забывал. Именно потому и не строю иллюзий.

Примечания:

У Чжуан Чжуна пока скачет обращение к Фэн Хуаню - то «ты», то «вы».

* Тайфэй - 太妃 (tàifēi) - титул матери вана или вдовы вана

* Академия «Хушань» - скорее всего вымышленное название частной конфуцианской школы. Но есть упоминание об академии «Хушань», которая была основана в эпоху династии Мин (1368-1644 гг.) в Цзиси (нынешнее название Мацзяньчжэнь (麻城)), также есть академия «Хушань» (переименованная академия «Вэньчан»), основанная около 1766 г. в Миньхоу (歙县)

<http://bllate.org/book/14926/1326274>